

2. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-западном Крыму. Киев, 1972.
3. Высотская Т.Н. Скифские городища Крыма. Симферополь, 1975.
4. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979.
5. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.
6. Крыжицкий Д.С. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
7. Молев Е.А. Эллины и варвары // На северной окраине античного мира. М., 2003.
8. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
9. От киммерийцев до крымчаков // Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2006.
10. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925г.
11. Симоненко А.В. Военное дело населения Степного Причерноморья в IIIв. до н.э. – IIIв. н.э. // Дисс...канд. ист. наук. К., 1986.
12. Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. М., 1854.-кн.4.
13. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
14. Шрамко Б.А. Критерии выделения городов по археологическим данным. К., 1984.
15. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.
16. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
17. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1989.
18. Якобсон А.Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М., 1964.
19. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

K. Arzhanov
ADMINISTRATION AND POLITICAL STATUS
THAT SCYTHIAN NEAPOL

Abstract: To present the brief review of the systems of fortifying structures of the ancient cities, existed since the IIIc. – to beginning of the IIc. Before present epoch, so as to analyze some aspects of historical geography of the late Scythians state and the basic stages of its military and political history. This article account of classify the arguments, proving the theory that Scythian Neapol is the most powerful stronghold so as the capital of the late Scythian state.

Key words: Scythian, Scythian Neapol, Archaeological sources.

УДК 2:008:37

Пучков П.А.

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ В «СКАЗКЕ БОЧКИ» ДЖОНАТАНА СВИФТА*

Аннотация. Статья посвящена анализу памфлета английского сатирика Дж. Свифта «Сказка бочки». Исследуется проблема отображения в данном произведении истории Западного христианства, разделения его на несколько самостоятельных ветвей, роль англиканской церкви в свифтовской концепции государства.

Ключевые слова: английская литература, Дж. Свифт, «Сказка бочки», церковь, религия.

Тема религии в английской памфлетной литературе XVII—XVIII вв. — одна из наиболее популярных и значительных. Общественные движения и социальные потрясения шли рука об руку с религией, из нее черпали аргументацию, в религиозной идентичности видели гарантии стабильности, в религиозных и антирелигиозных спорах «закалялся» английский ум. Историк П. Гей метко окрестил просветителей «кукушкам христианского гнезда» [23, 368]. Вероисповедание авторов многочисленных эссе и памфлетов определяло

общую направленность произведения: католики критиковали кальвинистов, англикане — пуритан, и т.д. Не обошел вниманием религиозную проблематику и крупнейший английский сатирик эпохи Джонатан Свифт (1667—1745): критикуя в памфлете «Сказка бочки» все ветви Западного христианства, Свифт поднимает важный вопрос — какая из христианских церквей более предпочтительна с точки зрения внутренней стабильности Англии?

Среди исследовательских работ посвященных творчеству Дж. Свифта большинство составляют труды литературоведов и филологов. Наибольший интерес среди них представляют работы А.Н. Веселовского [2, 295—341], М.Ю. Левидова [10], В.С. Муравьева [14], А.И. Дубашинского [5; 6]. Среди историков литературная деятельность английских просветителей нашла отражение в работах Т.Л. Лабутиной [7; 8; 9]. Несмотря на значимость рассматриваемого произведения, оно не получило должного освещения в трудах отечественных специалистов. Содержательные очерки А.В. Луначарского [12, 535—547] и И.А. Дубашин-

* © Пучков П.А.

кого [5, 45—60; 6, 32—76] являются редким исключением из правила рассматривать «Сказку бочки» вскользь (попытка Ф. Яковлева представить священнослужителя Свифта противником религии явно преследовала цели, отличные от научно-исследовательских, но требуется упомянуть и о ней [19]). Между тем, в «Сказке» Свифт впервые изложил свое понимание места англиканства в политической жизни страны рубежа XVII—XVIII вв.

Формирование религиозных взглядов Свифта относится к периоду студенческих лет, времени пребывания в поместье сэра Уильяма Темпла Мур-Парк, первого опыта священнослужительства в ирландском городке Килрут (1694—1696). Колледж Св. Троицы в Дублине, который Свифт окончил в 1686 г., готовил своих выпускников к священнической карьере и, следовательно, основными предметами изучения являлись теология и древние языки. Джонатан, получивший массу выговоров за неудовлетворительное поведение и пропуск занятий, получил степень бакалавра искусств с формулировкой «по особой милости», которая не давала права получить кафедру священника. Годы у Темпла оказали огромное влияние на формирование личности Свифта в целом, он перенял многие воззрения почтенного дипломата [7]. Килрутские приходы Свифт принял 28 января 1695 г. По словам исследователя Л.А. Ланда, Джонатан «попал в атмосферу, где Церковь и клирики проявляли себя с наихудшей стороны — определено, не самое благоприятное начало, достаточное для прекращения службы, способное оставить чувство глубокого отвращения» [25, 15]. Приходская церковь Килрута, чрезвычайно древняя, уже давно лежала в руинах, Свифт не прочитал в ней ни одной проповеди. «Сказка бочки», датируемая самим автором 1696 г., относится, таким образом, к поздне- и посткилрутскому периоду, знаменуя первое обобщение и анализ накопленного сатириком опыта.

«Сказка бочки» вышла из печати весной 1704 г., почти восемь лет спустя после написания. Фразеологизм, давший название произведению (*A Tale of a Tub*), в английском языке имеет значение пустой болтовни. Второе значение названия дал сам автор: «у моряков существует обычай, когда они встречают *кита*, бросать ему для забавы пустую бочку и тем отвлекать от нападения на корабль [*здесь и далее — курсив Свифта*]» [17, 295]. Кит — это множество «умников», которые своими писаниями раскачивают корабль-государство. Произведение, по замыслу автора, направлено на обличение «грубых извращений в религии и науке» [17, 274]. Искажения религии автор излагает в притче о трех братьях, Петре, Мартине и Джеке (Разделы II, IV, VI, VIII, X, XI). История их взаимоотношений составляет основную сюжетную линию

произведения, тогда как положение вещей в области науки автор затрагивает в четырех «Отступлениях» (Разделы III, V, VII, IX) [15]. В данной статье речь пойдет исключительно о религии.

«Жил когда-то человек, у которого было трое сыновей...» [17, 274]. Умирая, он подозвал сыновей и преподнес им по кафтану, которые при бережном обращении сохраняются свежими и исправными в течении всей жизни владельцев, будут расширяться и удлиняться соответственно их росту. Всего два условия ставил отец сыновьям: «носить их опрятно» и «по-братски и по-дружески» жить в одном доме. Первые семь лет братья соблюдали указания покойного отца, но потом, оказавшись в некоем городе, принялись ухаживать за тремя дамами: герцогиней *d' Argent*, мадам *de Grands Titres*, графиней *d'Orgueil* (сребролюбие, честолюбие и гордыня). Кафтаны показали братьям устаревшими, тем более что в моду вошли аксельбанты, а затем золотые галуны. Не найдя в отцовском завещании дозволения на изменение кафтаны, братья решили его вывести самостоятельно, сначала поиском слогов, а затем и букв, составляющих слово «аксельбант». Но текст завещания отказывался предоставить братьям необходимые слога и буквы. Тогда они пошли на подлог — заменили недостающую букву. Далее история повторилась с галунами, атласом, серебряной бахромой, вышитыми индийскими фигурками мужчин, женщин и детей. Один из братьев попытался проявить недовольство, но остальные быстро поставили его на место. В довершение всего, братья, уставшие искать в завещании отца дозволения на украшение кафтаны, а при отсутствии оных — придумывать их, заперли завещание в крепкий ящик, «привезенный из Греции или Италии» [17, 324].

В такой аллегории Свифт рисует историю дореформационного христианства. После выхода «Сказки бочки» в свет, литератор У. Уоттон (1666—1727) опубликовал «Замечания о Сказке» [24, 37—46] — пространный отзыв, в котором разбирал символику произведения. Завещание отца, по мнению литератора, — Новый Завет; братья — ветви Западного христианства (Петр — католицизм, Мартин — лютеранство и англиканство, Джек — кальвинизм и диссентеры); украшение кафтаны — порча изначального христианства. Свифт показывает ее как реакцию братьев на вызовы моды, т.е. события извне, обмирщение религии. Каждое украшение символично: аксельбанты (непременная часть военного мундира имперской армии с XVII в.) и галуны, которые привез из Парижа некий вельможа, можно трактовать, на наш взгляд, как указание на конфликт папства со светской властью, конфликт «между *"sacerdos"* и *"rex"*, между священным владыкой и государем» [11, 326] сначала Священной Римской империи, а

затем французского королевства, завершившийся «Авиньонским пленением» пап (1309—1377). «Атлас огненного цвета», по Уоттону, символ Чистилища, догмат о котором был принят 6 июля 1439 г. (Булла *Laetentur Coeli* папы Евгения IV) [18, 500]. «Серебряная бахрама» — пышность римско-католической церкви (У. Уоттон). С внесения ее в кафтан начинается недовольство одного из братьев. Усмотреть историческую параллель здесь несложно: деньги на строительство базилики св. Петра римская курия зарабатывала продажей индульгенций в землях Империи, что вызвало возмущение виттенбергского монаха Мартина Лютера, изложенное в «95 тезисах» [13]. Наконец, вышитые «индийские фигурки» — идолопоклонство (У. Уоттон).

Любопытны способы, которыми братья извлекали дозволения на перекройку кафтанов. Аксельбанты едва не появились на одежде «*totidem syllabis*» (по слогам). Латинское слово *syllabis* восходит к тому же корню, что и греческое силлогистика. Галуны появились на кафтанах после того, как брат предпринял толкование завещания сквозь призму «Диалектики» Аристотеля, отца силлогистики (напомним, что идеи Стагирита служили философским базисом для классика схоластической мысли Фомы Аквинского [16, 542—555]). «Атлас огненного цвета», на который в завещании был строгий запрет, поскольку это изменение затрагивает самую сущность кафтана-религии, появился, когда один из братьев вспомнил об «особых приписках» к завещанию (сатира на апокрифы), которые он некогда читал. Остальные украшения также появились при более чем вольной трактовке завещания. Как отмечает специалист по английской литературе профессор Дж. Мюллер, «Свифт предположил... что интерпретация священных текстов, как правило, мотивировалась чем-то иным, нежели стремлением постичь волю Бога» [21, 209].

Ящик, «привезенный из Греции или Италии», в котором заперли завещание, — это греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата) переводы Библии (У. Уоттон), с которыми подавляющее большинство мирян не имели возможности ознакомиться самостоятельно (только Реформация сделает чтение Священного Писания доступным). Характерно, что братья еще не имеют имен и старшинства — для Свифта дореформационная церковь едина в своих действиях. Они пока еще живут в «одном доме», как и завещал отец. На этом заканчивается первый раздел истории братьев (Раздел II «Сказки бочки»).

Далее Свифт повествует о разрыве между братьями (Раздел IV). Петр (теперь у одного из братьев появилось имя), инициатор всех предыдущих изменений, занялся откровенным зарабатывани-

ем денег. «Прожекты» Петра — новые извращения религии. Другие два брата, пока безымянные, оказались в подчиненном положении. Они долго терпели верховенство Петра, но когда он повелел выгнать из дома их жен (целибат*), отказал им в причащении вином (католицизм запрещает причащение вином мирян**), а во время ужина вместо мяса предложил братьям хлеб, выдавая его за баранину (реальное и номинальное пресуществление***), они решили Петра покинуть. На требование братьев выдать им копию отцовского завещания Петр ответил проклятиями в их адрес.

В Разделе VI покинувшие Петра братья получают имена и, твердо решив «исправить все допущенные ошибки и принять в будущем все меры к строжайшему исполнению отцовских предписаний» [17, 351—352], приступают к делу. Тогда-то и проявилась разница характеров братьев. Мартин, рассудив, что целостность кафтана важнее, устранил лишь те украшения, которые возможно было снять, не повредив его. Это, по мнению Мартина, «больше всего соответствовало духу и смыслу отцовского завещания» [17, 353]. Иначе поступил Джек. Целостность кафтана его не заботила — он отрывал все без исключения украшения. В результате его кафтан превратился в лохмотья. Характер спокойного, благодушного, «флегматичного» Мартина резко контрастирует с неуравновешенным, переполненным злобой к Петру Джеком. В итоге, Джек доходит до помешательства рассудка, над ним потешаются прохожие, его начинают путать с Петром, ибо, как отмечает Свифт, «лохмотья всегда имеют какое-то забавное сходство с роскошью» [17, 392].

Разделы VIII, X и XI «Сказки» почти исключительно посвящены Джеку. Кальвинизм как религиозное учение рассматривается в Разделах VIII и X. Свифт делает акцент на двух положениях учения: учении о предопределении и боговдохновенности. Не остается в стороне и характер участия Джека в политической жизни: «При всех государственных переворотах он домогался должности

* Целибат являлся распространенной практикой в Западном христианстве начиная с VI в., фактически был признан обязательным для священнослужителей папой Григорием VII (1025—1085). Однако на уровне Вселенских соборов вопрос о целибате был поднят лишь в XVI в.: в ходе 24-й сессии Тридентского собора (11 ноября 1563 г.) были сформулированы «Каноны о таинстве брака», 9 и 10-е пункты которых затрагивали именно вопрос обязательности целибата для клира [18, 477].

** Декрет «О причащении под видом одного хлеба» был принят Констанцским собором в ходе 13-й сессии (15 июня 1415 г.) и закреплял реально существующую в Западном христианстве практику. Затем был подтвержден решениями Тридентского собора (21-я сессия, 16 июля 1562 г.) [18, 397, 407—409].

*** Вопрос о реальном и номинальном пресуществлении стал одним из ключевых в разрыве между церквями. В ходе 13-й сессии (11 октября 1551 г.) Тридентский собор принял декрет «О Святой Евхаристии»: неприемлющие реальное пресуществление должны быть отлучены от церкви [18, 477].

главного палача...» [17, 390]. Свифт, противник государственных и социальных потрясений, так определил роль английских диссентеров (пуритан) в революции и гражданской войне середины XVII в. История братьев должна была получить продолжение во второй части «Сказки», но она затерялась, и автор смог припомнить лишь некоторые детали так и не изданного произведения: Джек и Петр вступают в сговор с целью «обобратить до нитки» Мартина, которому, правда, удалось сбежать. Джек покинул Петра, украв у него «охранную грамоту» (свобода совести, дарованная подданным Яковом II). В довершении ко всему, «лохмотья Джека» вошли в моду при дворе нового английского государя — протестанта кальвинистского толка Вильгельма III Оранского.

С самого выхода в свет «Сказка бочки», хлесткая сатира в адрес церкви и религии, подпала под огонь резкой критики. У. Уоттон, имевший личные мотивы быть недовольным «Сказкой»*, отмечая негативный характер образов Петра и Джека, положительность на их фоне образа Мартина, делает вывод, что автору «омерзительно все, что связано с христианством» [24, 42]. Критик наметил два вопроса, которые долго будут подниматься исследователями этого произведения. Что первоначально в «Сказке бочки»: антиклерикальная направленность и сатира на религию, или апология англиканства как государственной церкви?

По нашему мнению, Свифт в «Сказке бочки» защищал англиканство, не как религиозное учение, но как государственную организацию, политический институт, жизненно необходимый для стабильности страны. Фигура Мартина, символизирующая, в первую очередь, англиканскую церковь, действительно выглядит наиболее предпочтительно в сравнении с Петром (католицизмом) и Джеком (диссентерами), представляет срединный путь развития Западного христианства. Но можно ли сказать, что образ этот исключительно положительный? К моменту разрыва между братьями первоначальный облик кафтанов уже был испорчен, Джеку и Мартину требовалось привести их в первоначальный вид. Только Джек довел начатое дело до конца, но повредил при этом сам кафтан, т.е. саму религию. Петр по сравнению с Джеком фигура более предпочтительная — его кафтан, пусть и стал неузнаваемым под плотным слоем всевозможных украшений, но остался цел. Мартин избрал иной путь — если устранение украшений могло привести к порче кафтана, как в случае с индийскими фигурками, он «сделал [их] неузнаваемыми». С чисто религиозной точки зрения, симпатии читателей должны быть на сторо-

* У. Уоттон, наряду с Р. Бентли, подпал под критику Дж. Свифта в ряде «Отступлений» «Сказки бочки», а также в «Битве книг», вышедшей в том же 1704 г. под одной обложкой со «Сказкой».

не Джека, именно он усердно старался привести религию в соответствие со Священным Писанием (завещанием). Но для Свифта, «в [его] проповедях, как и в памфлетах, религия неотделима от политики»**. Образы трех братьев следует рассматривать как в религиозном, так и в политическом контексте. Джек — диссентер, виновник социальных потрясений XVII в. В северо-восточном регионе Ирландии была сильна община пресвитериан, организованная эмигрантами из Шотландии. В окрестностях Килрута община существовала с начала XVII в. и составляла серьезную конкуренцию англиканской церкви [25, 19—21]. С приходом к власти в Англии статхаудера Нидерландов угроза англиканству, по мнению Свифта, еще более возросла. Именно поэтому Свифт уделяет так много внимания Джеку, обличает фанатизм диссентеров, кнутом сатиры бичует их вероучение и политический радикализм.

Далее. Петр — католик, образ папизма, постоянного участника антианглийских заговоров. Свифт имел возможность лично осознать угрозу государственной церкви со стороны католицизма, когда принял приход в Ларакоре, недалеко от Дублина (1701). Сатирик имел опыт служения в двух регионах Ирландии, где англиканская община составляла меньшинство: «диоцез Мита [в который входил Ларакор] отличался от диоцеза Дауна и Коннора тем, что Свифт со своей маленькой Ирландской церковью нашел себя в окружении бесчисленного множества уже не пресвитериан, а католиков» [21, 162—163]. Среди отечественных исследователей наиболее рельефно апология англиканской церкви как государственного института раскрывается у А.Н. Веселовского: «В этой защите была даже как будто патриотическая основа, убеждение, что крепость церковной организации будет содействовать упрочению национального и государственного единства» [2, 318].

Антиклерикализм в «Сказке» также стал темой исследования многих специалистов. Д. Байуотерс, к примеру, полагает, что хотя основной целью свифтовской сатиры и являются диссентеры и католицизм, клириков государственной церкви Свифт также не обошел вниманием: «несмотря на поддержку Английской церкви, Свифт пошел дальше — он отделяет себя от “могильщиков божественного”, чей узкий профессионализм, дурные манеры и обыкновенная тупость наносят... ущерб делу» [20, 583]. Отечественная исследовательница Е.М. Вургафт, также делает акцент на

** Эту в высшей степени справедливую мысль высказал на ежегодной конференции посвященной творчеству Дж. Свифта (Annual Symposia on Jonathan Swift, 2003) профессор Нью-Йоркского университета Денис Донохью. К сожалению, симпозиум не публикует материалов конференций, но отдельные материалы доступны в интернете: <http://www.unh.edu/english/swift/2003/donoghue.htm>

двойкость произведения, отдельно выделяя антиклерикализм: «Суеверия и фанатизм, с одной стороны, продажность ирландского духовенства, проводника английской политики угнетения — с другой, — вот на что, главным образом, направлен огонь его антиклерикальной сатиры» [4, 33]. Интересно точка зрения по этому вопросу профессора городского университета Нью-Йорка Анны Б. Гардинер. Рассматривая религиозные произведения Свифта (и «Сказку бочки» в их числе) сквозь призму идеи о возвращении к ранней апостольской церкви, она пишет: «В оппозицию Мэтью Тиндалу, который не видел разницы между священством и мирянами, Свифт заявляет: “епископы были всегда: это древний принцип. Также и семья остается прежней, хотя мы не уверены в чистоте каждого из ее членов”»*. Иными словами, профессор Гардинер считает, что Свифт, сам священник, понимал важность клириков для функционирования такого института как церковь и приводил в качестве аналогии институт семьи, который, несмотря ни на что, остается важной, основообразующей частью общества. Собственно в истории братьев мы не находим антиклерикальной сатиры, так как организационную и обрядовую стороны вероучений Свифт освещает только касательно сект диссентеров, которые не имеют церковнослужителей в привычном понимании этого слова. В «Апологии автора», добавленной в издание 1710 г., Свифт, обращаясь к священнослужителям англиканской церкви, замечает, что «в ней [книге] не содержится ничего, что задевало бы их, ни малейшей грубой выходки против их личности и профессии» [17, 275]. Нет никаких оснований не верить автору — Свифт предпочитал клеймить не имена (институты, организации, профессии и т.д.), но пороки [17, 780].

«Сказка бочки» имела громкий успех, дебют Свифта на литературном поприще состоялся именно этим произведением (изданный анонимно в 1701 г. памфлет «Рассуждения о раздорах и разногласиях знати и общин в Афинах и Риме», по масштабу произведенного им общественного резонанса, не шел ни в какое сравнение со «Сказкой»). Но большинство читателей восприняло «Сказку» как антирелигиозное произведение. Отзывы на первое издание пестрели характеристиками «скандальная», «глупая», «бессмыслица» [24, 31—35]. Свифт был чрезвычайно резок, высмеивая фанатизм диссентеров и грехи папства, резок настолько, что, по словам Вольтера, «попотчевал... трех сыновей сотней розог; но... розги были настолько длинны, что задевали и отца» [1, 150]. При дворе королевы Анны произведению и его автору дали негативную оценку, что во многом послужи-

ло причиной неудачной карьеры сатирика — для Анны Свифт навсегда останется хулителем веры, религии и церкви. «Сказка», таким образом, не только открыла Джонатану Свифту дверь в общественную и политическую жизнь, но и определила границы, за пределы которых ему так и не удастся выйти.

Апология Свифтом государственной церкви позволяют отметить характерную особенность английского Просвещения, его отличие от французского. Вольтер, большой поклонник сатирического таланта английского писателя, нещадно критиковал не только англиканскую церковь, но и христианство в целом. «Правление гражданское и церковное», которое Вольтер считал «надругательством над разумом и над законами» [3, 307], совершенно не представляется таковым в работах Свифта и английских просветителей. Наоборот, господство государственной англиканской церкви — гарантия социальной и политической стабильности, в сотрудничестве и взаимопонимании двух институтов (церкви и государства) — залог процветания нации. Историк Р. Портер, говоря об отличительных особенностях английского Просвещения отмечает именно эту черту: «Английская мысль шла к пониманию: между личностью и обществом, представителями торговли и аристократии, совестливостью и эгоизмом, наукой и религией» [22, 13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникст А.А. История английской литературы. М., 1956.
2. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М., 1907.
3. Вольтер. Сочинения. М., 2005.
4. Вургафт Е.М. Сатирическая поэзия Свифта. М., 1948.
5. Дубашинский И.А. Рождение свифтовской сатиры // Филологические науки. Научные доклады Высшей школы. 1966. № 3.
6. Дубашинский И.А. Памфлеты Свифта. Рига, 1968.
7. Лабутина Т.Л. Свифт и Темпл: Из истории раннего английского Просвещения // Новая и новейшая история. 1994. №2.
8. Лабутина Т.Л. Общественно-политические взгляды Дж. Свифта // Общественная мысль в контексте истории культуры. М., 2004.
9. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
10. Левидов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 2008.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2007.
12. Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1957.
13. Лютер М. 95 тезисов. СПб., 2002.
14. Муравьев В.С. Джонатан Свифт. М., 1968.
15. Пучков П.А. Наука и образование в «Сказке бочки» Дж. Свифта // Проблемы отечественной и зарубежной истории. Сб. ст. Вып. 3. М., 2007.

* Annual Symposia on Jonathan Swift, 2002: <http://www.unh.edu/english/swift/2002/gardiner.htm>

16. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2007.
17. Свифт Дж. Путешествие Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стеллы. Письма. Памфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта. Сб./Дж. Свифт. М., 2003.
18. Христианское вероучение. Догматические тексты учительства церкви III—XX вв. СПб., 2002.
19. Яковлев Ф. «Сказка бочки» Дж. Свифта // Наука и религия. 1960. № 8.
20. Bywaters D. Anticlericism in Swift's "Tale of the Tub". Studies in English Literature, 1500—1900. Vol. 36. Issue: 3.
21. The Cambridge Companion to Jonathan Swift. Cambridge, 2003.
22. The Enlightenment in the national context. Ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge, 1981.
23. Gay P. The Enlightenment: An Interpretation. The Rise of Modern Paganism. New York, 1967.
24. Jonathan Swift: The Critical Heritage. Ed. by K. Williams. London, 1995.
25. Landa L.A. Swift and the Church of Ireland. Oxford, 1954.

P. Puchkov
 CHURCH AND RELIGION IN SWIFT'S "TALE OF A TUBE"

Abstract: This article considers the problem of reflection on history of Western Christianity, its separation on several independent branches, the role of Anglican Church in England in Swift's "Tale of a Tube".

Key words: English literature, Jonathan Swift, "A Tale of a Tube", church, religion.

УДК 347.265.11(474+470)

Сытин А.Н.

ПОГРАНИЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ БАЛТИИ И РОССИЕЙ*

Аннотация. Автор рассматривает основные аспекты истории дипломатической подготовки и ратификации договоров о границе между странами Балтии – Латвией, Литвой и Эстонией и Россией после их выхода из состава СССР и присоединения к Европейскому Союзу и НАТО. Особое внимание уделяется дипломатической борьбе Латвии и Эстонии с Россией по вопросу ратификации этих договоров.

Ключевые слова: Страны Балтии, пограничное урегулирование, Россия, ратификация, дипломатическая борьба.

Вопросы урегулирования пограничных отношений между странами Балтии и Россией относятся к малоизвестным и достаточно запутанным аспектам международных отношений на постсоветском пространстве. Политически информированному российскому читателю известно лишь, что в результате длительной дипломатической работы были достигнуты определенные договоренности. Однако если работа в области пограничных отношений между Латвией и Литвой, с одной стороны, и Россией с другой, была доведена до конца, то пограничный договор с Эстонией Россия не ратифицировала до сих пор. О причинах такого положения с учетом политической позиции Балтийских государств и пойдет речь в статье.

Подобно ряду других аспектов двусторон-

них отношений, вопросы территориального разграничения не получили решения на начальном этапе, сразу же после провозглашения бывшими советскими республиками Прибалтики независимости. Договоры об основах межгосударственных отношений лишь декларировали взаимное уважение прав сторон на территориальную целостность, в соответствии с Хельсинкским заключительным актом о нерушимости границ. Предполагалось, что режим государственной границы будет определен специальными двусторонними соглашениями, которые предполагалось подготовить позднее. Дипломатическое решение пограничных вопросов проходило одновременно, а зачастую даже отставало от фактического процесса обустройства пограничной линии.

Проблема границ Латвии, Литвы и Эстонии возникла еще в 1990-1991 гг., когда эти тогда еще советские республики, объявив о независимости от Москвы, начали устанавливать квазитаможни на административной границе с целью воспрепятствовать вывозу со своей территории продовольствия в условиях тотального дефицита.

Официальные переговоры о границе начались в 1992 г. поначалу они проходили в рамках общих межгосударственных переговоров, а после вывода российских войск, с обеих сторон были сформированы специальные делегации для переговоров о границе. В общей сложности протяженность границы стран Балтии с Россией составляет 1025,7 км. Процесс оформления границ проходит

* © Сытин А.Н.